

АРТУР ШОПЕНГАУЭР

1788 г. – 1860 г.

Философ, мыслитель

ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ В СПОРАХ (ERISTISCHE DIALEKTIK, ODER DIE KUNST, RECHT ZU BEHALTEN)

*В переводе Н. Л. д'Андре (1900 г.)
под ред. С. В. Черно*

ЭРИСТИКА

Слова «*логика*» и «*диалектика*» уже в древности употреблялись и считались синонимами, хотя глаголы *logizeseJai* (*обсуждать, думать, соображать*) и *dialegesJai* (*беседовать*) отражают два совершенно различных понятия.

Подобное употребление этих выражений существовало в средние века и даже встречается иногда и по сию пору. В новейшие времена слово «*диалектика*» употреблялось некоторыми учеными, в особенности Кантом, в отрицательном смысле; они называли им «*софистический способ вести прения*» и по этой причине выше ставили слово «*логика*», как более невинное выражение данного понятия. Собственно же говоря, эти оба слова имеют совершенно одинаковое значение, поэтому за последние годы (*Прим. редактора: речь идет о первой трети XIX века*) на них опять стали смотреть зачастую как на синонимические выражения.

Такое положение вещей меня несколько стесняет и не дает возможности так, как хотелось бы, оттенить и отделить эти две науки: логику и диалектику. По моему мнению, логике можно дать такое определение: «*наука о законах мышления или способах деятельности разума*» (*от глагола обдумывать, обсуждать, происходящего в свою оче-*

6 ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ В СПОРАХ

редь от слова разум или слово); диалектика же, употребляя это выражение в современном значении, есть «*искусство вести прения и споры или разговоры*». Всякий разговор основан на приведении фактов или взглядов, то есть один раз он бывает историческим, другой раз он что-либо разбирает или рассматривает.

Отсюда очевидно, что предмет логики дан целиком *a priori*, без всякой примеси чего-либо исторического или что в область этой науки входят общие законы мышления, которым подчиняется всякий ум в тот момент, когда он предоставлен самому себе, когда ничто ему не мешает, следовательно, в период уединенного мышления разумного существа, которого ничто не вводит в заблуждение.

Диалектика, наоборот, рассматривает одновременную деятельность двух разумных существ, которые думают в одно и то же время, откуда, конечно, возникает спор, то есть духовная борьба. Оба существа обладают чистым разумом, и потому они должны бы были согласиться друг с другом; на самом деле такого согласия нет, и это несогласие зависит от различных индивидуальностей, присущих субъектам, и потому должно считаться элементом эмпирическим.

Таким образом, логику, как науку мышления, то есть деятельности чистого разума, можно было бы построить совершенно *a priori*; диалектику же по большей части — только *a posteriori*, после практического уразумения тех перемен, которым подвергается чистая мысль, как результат индивидуальных различий при одновременном мышлении двух разумных существ, а также после ознакомления со средствами, которые употребляет каждый из них для того, чтобы выставить свои индивидуальные мысли чистыми и объективными. А это происходит по той причине, что всякому человеку при совместном мышлении свойственно

следующее: стоит ему только узнать при взаимном обмене взглядами (*кроме исторических разговоров*), что чьи-либо мысли относительно данного предмета отличаются от его собственных, то он, вместо того, чтобы прежде всего проверить свою мысль, всегда предпочитает допустить ошибку в чужой мысли.

Другими словами, всякий человек уже от природы желает всегда быть правым; тому именно, что возникает из этой особенности людей, учит нас одна отрасль науки, которую я хотел бы назвать *«диалектикой»* или для устранения возможного недоразумения *«эристической диалектикой»*.

Таким образом, это наука о стремлении человека показать, что он всегда бывает прав. *«Эристика»* — только более резкое название данного предмета.

«Эристическая диалектика», следовательно, есть искусство вести споры, но таким образом, чтобы всегда оставаться правым, то есть всеми правдами и неправдами. В конце концов, можно быть объективно правым, но не казаться таковым другому, а даже очень часто и самому себе; это бывает в том случае, когда противник опровергает наши доводы и когда это сходит за опровержение всего спорного тезиса, в доказательство которого может существовать много других, не приведенных нами в данную минуту доводов. В таких случаях противник окружает себя ложным светом, кажется человеком, имеющим резон, а на самом деле кругом неправ.

Итак, истина спорного вопроса, взятая объективно, и сила правоты или резона в глазах спорящих и слушателей — вещи совершенно различные; эристическая же диалектика всецело основана на последней.

Если бы в природе людей не существовало зла, если бы мы были совершенно честны при каждом обмене мыслями,

тогда, безусловно, мы единственно старались бы добиться правды и не обращали внимания на то, чей взгляд справедлив: высказанный ли первоначально нами самими, или же нашим противником.

К этому последнему взгляду мы отнеслись бы совершенно равнодушно, или, по крайней мере, не придавали бы ему такого важного значения. На самом же деле это составляет, наоборот, вещь первостепенной важности. Наш мозг весьма раздражителен во всем, что касается интеллектуальных сил, и никак не хочет согласиться, чтобы было ошибочно то, что мы сказали первоначально, а то, что сказал противник — справедливо. Имея в виду это обстоятельство, следовало бы каждому человеку высказывать только правильные мнения, а потому сперва думать, а потом говорить. Но кроме врожденного мышления большинству людей еще свойственна болтливость и врожденная недобросовестность. Говорим о чем-нибудь, совершенно не подумавши, и потом, даже если мы вскоре заметим, что наше мнение ложно и лишено основания, все-таки стремимся доказать во что бы то ни стало совершенно противное.

Любовь к правде, которая в большинстве случаев была единственным побуждением постановки тезиса, кажущегося правдивым, совершенно уступает место любви к собственному мнению; так что правда таким образом начинает казаться ложью, а ложь — правдой.

Однако и эта недобросовестность, эта настойчивая защита тезиса, фальшь, которую мы сами сознаем отлично, имеет достаточное основание. Очень часто при начале разговора мы бываем глубоко убеждены в справедливости на-

шего суждения, но потом аргументы противника становятся настолько сильными, что опровергают и разбивают нас; если мы сразу откажемся от своего убеждения, то весьма возможно, что впоследствии убедимся, что мы были правы, но что наше доказательство было ошибочным. Для защиты нашего тезиса, может быть, и были веские доводы и доказательства, но как раз на наше несчастье такой избавитель-аргумент не пришел нам в голову.

Таким образом, мы создаем себе правило ведения споров с аргументами основательными и доказывающими предмет и в то же время допускаем, что резонность противника только кажущаяся и что во время спора мы можем случайно попасть на такой довод, который или разобьет окончательно аргумент противника, или каким-либо иным образом обнаружит несправедливость его мнения.

•
*Жизнь каждого человека в целом — трагедия,
в частности — комедия.*
•

Благодаря этому, если мы и не принуждены непременно быть в споре недобросовестными, то по крайней мере легко очень можем случайно сделаться ими. Так взаимно поддерживают друг друга немощ нашего суждения и превратность нашей воли.

Отсюда следует, что ведущий диспут борется не за правду, но за свой тезис, как за самое дорогое, ведет дело всеми правдами и неправдами и, как я раньше заметил, нелегко может освободиться от этого. Всякий стремится одержать верх даже в том случае, когда отлично сознает, что его мнение ложно и ошибочно или сомнительно.

Макиавелли советует государю пользоваться каждой минутой слабости своего соседа, чтобы напасть на него, потому что в противном случае этот же сосед может воспользоваться его минутной слабостью. Совсем иное дело, если бы господствовали правда и искренность; но нет возможности ни рассчитывать на них, ни руководствоваться этими принципами, потому что за такие хорошие качества награда бывает весьма плохая.

Таким же образом следует поступать в споре. Весьма сомнительно, что противник оплатит тебе тем же, если ты в споре поступишь с ним справедливо, особенно если эта справедливость только кажущаяся; почти наверно можно сказать, что он не будет великодушничать, а поведет дело, не считаясь с правилами; а отсюда вывод, что и ты должен поступать так же. Легко соглашусь с тем, что всегда надо стремиться к правде и что не надо быть пристрастным к собственным взглядам; но откуда знать, будет ли другой человек придерживаться того же мнения, что и мы.

Помощниками в отстаивании тезиса могут служить в известной степени собственная ловкость и проницательность. Этому искусству поучает человека ежедневный опыт, так что каждый имеет собственную, природную диалектику, как и собственную логику, с тою только разницею, что первая не такая верная, как последняя. Люди редко думают и выводят заключения противно законам логики; ложные суждения весьма часты, но ложные заключения очень редки. Вот почему редко можно найти человека с недостатком собственной природной логики и так часто — с недостатком природной диалектики.

Диалектика — дар природы, распределенный неравномерно, и потому она похожа на способность судить о вещах, способность, распределенную весьма неровно, между тем как здравый разум, собственно говоря, распределя-

ется довольно равномерно. Очень часто бывает, что кажушаяся аргументация сбивает и опровергает то, что по существу своему совершенно справедливо и резонно, и наоборот, вышедший из спора победителем очень часто не столько обязан справедливости суждения при защите своего мнения, сколько искусству и ловкости. Врожденный талант здесь, как и во всем, играет первую роль. Однако упражнение и рассматривание различных способов, при помощи которых можно опровергнуть противника или которые сам противник употребляет для доказательства своих мыслей, служат хорошим руководством в данном искусстве.

Вот почему логика не имеет никакого практического значения, а диалектика, наоборот, обладает им в значительной степени. По моему мнению, Аристотель построил свою логику, то есть аналитику, исключительно таким образом, чтобы она служила основой и вступлением к диалектике.

Логика занимается только формой утверждений, диалектика же исследует их суть и материю; поэтому исследование формы, как общей вещи, должно предшествовать исследованию сути или подробностей. Аристотель не оттягивает так сильно, как я, цели диалектики; правда, он указывает на диспут как на главную цель, но в то же время — как на стремление к отысканию правды. Далее, он говорит: **«Надо рассматривать утверждения с философской точки зрения, согласуясь с их правдой, и с точки зрения диалектической — согласуясь с их очевидностью и мышлением других людей»**. Правда, Аристотель признает независимость и разницу между объективной правдой тезиса и чьим-либо подтверждением этого тезиса, но делает это признание только вскользь, дабы приписать это значение исключительно диалектике.

Вот почему его правила, касающиеся диалектики, часто

смешиваются с теми правилами, цель которых — отыскивание правды. Поэтому мне кажется, что Аристотель не вполне выполнил свою задачу, стараясь в своей книжке *«О софистических опровержениях»* (Прим. редактора: *«О софистических опровержениях»* — последняя из шести классических работ Аристотеля по логике) отделить диалектику от софистики и эристики, причем разница должна была состоять в том, что диалектические выводы истинны по отношению к форме и сути, а эристические или софистические — нет (последние разнятся между собою только целью: в эристических выводах эта цель определяется желанием быть правым, в софистических же — стремлением добиться таким путем почта или денег).

Истинность противопоставляемых суждений всегда настолько неопределенна, что их не обязательно расценивать как действительные противоположности. И по меньшей мере сам спорящий может быть вполне уверен, что даже сам результат спора будет неопределенным.

•
*Всякий человек уже от природы
желает всегда быть правым.*
•

По этой-то причине мы должны под диалектикой Аристотеля понимать также софистику и эристику и определять ее, как искусство всегда быть правым во всех спорах.

Само собою разумеется, наилучший способ заключается в том, чтобы действительно быть правым по сути. Но это условие, исключая все остальные, конечно, недостаточно для людей; с другой стороны, имея в виду слабость их рассудка, это не необходимая вещь.

Следовательно, здесь необходимы другие искусственные приемы, которые, независимо от объективной истины, можно употреблять и при отсутствии объективной правоты, о действительном наличии которой почти никогда нельзя судить с полной уверенностью.

Таким образом, по моему мнению, логика и диалектика должны быть отделены друг от друга с большею отчетливостью и очевидностью, чем это сделал Аристотель; логика должна заняться объективной правдой, насколько эта правда может быть формальной, а диалектика должна ограничиться одержанием побед в спорах.

Кроме того, не следует отделять диалектику от софистики и эристики, как это делает Аристотель, ибо это различие основано на объективной, материальной правде, относительно которой мы не можем судить с полной уверенностью прежде времени, но только можем повторить за Пилатом: ***Что есть истина?*** Ибо истина спрятана на дне колодца. Часто двое очень живо спорят, после чего расходятся по домам, унося мнение своего оппонента: они меняются взглядами.

Не штука доказывать, что в спорах надо иметь в виду только выяснение истины; именно вся суть заключается в том, что неизвестно, где эта правда, когда аргументы противника и наши собственные вводят нас в заблуждение.

Наконец, поняв суть, определим термины: раз на диалектику смотрят как на науку, равнозначную логике, то, как было сказано раньше, назовем свою науку ***«эристической диалектикой»***.

Главное правило в том, что предмет каждой науки надо строго выделить от остальных наук. Применяя это правило к диалектике, следует ее рассматривать исключительно как искусство быть всегда правым, независимо от объективной истины, чего, само собою разумеется, в сто раз легче достигнуть, когда мы действительно бываем правы.

Диалектика, как наука, должна нас учить, как должно защищаться от всякого рода нападков, а в особенности — несправедливых; затем, — как нужно самому нападать на других, не противореча себе и вообще не рискуя быть разбитым другим. Необходимо совершенно отделить стремление к отысканию объективной правды от искусства строить спор таким образом, чтобы наши суждения казались всем справедливыми.

Первое стремление — совсем другая работа: это дело рассудка, способности рассуждать, опытности, чему неспособно научить никакое искусство; последнее же, наоборот, составляет цель диалектики. Ей дают определение *«логики очевидности»*. Это ошибочно, потому что в таком случае ею можно было бы пользоваться только при защите ложных суждений.

Диалектика же необходима тогда, когда мы правы, для того, чтобы мы могли защищать эту правоту; с этой целью необходимо знать все некрасивые, искусственные приемы, чтобы уметь отражать их и даже очень часто и пользоваться ими, чтобы сокрушить противника его же собственным оружием.

Вот почему объективная правда совершенно не должна рассматриваться в диалектике или рассматриваться как нечто исключительное; задача этой науки состоит в том, чтобы учить, как следует защищать собственные суждения и как опровергать суждения противника.

Часто сам спорящий положительно не знает, прав он или нет; а очень часто вполне убежден, что прав, а на самом деле — заблуждается; еще чаще бывает, что оба спорящие думают, что каждый из них прав, а на самом деле истина в ко-

лодце. В начале спора каждый из противников убежден, что правда на его стороне; во время спора оба начинают колебаться; конец же спора должен выяснить правду и подтвердить ее. Поэтому самой диалектике нечего заботиться об этой правде, подобно тому как учителю фехтования нечего заботиться, кто был прав в ссоре, которая привела к дуэли. Наносить и отражать удары — вот что больше всего интересует учителя. То же самое мы замечаем и в диалектике, этом фехтовании умов. Только таким образом понимаемая диалектика может составить одну из ветвей науки.

Как скоро мы оставим себе целью единственно объективную правду, так сейчас же вернемся к чистой логике; если же, наоборот, докажем эту правду при помощи фальшивых и ложных суждений, вступим в сферу настоящей софистики. И в том, и в другом случае обыкновенно допускается, что мы заранее знали, где правда и ложь, а это бывает очень редко.

Поэтому самое настоящее определение диалектики — то, которое я привел раньше: диалектика есть не что иное, как умственное фехтование для доказательства правоты в спорах.

Название *«эристика»* ближе определяет данное понятие, чем *«диалектика»*; больше же всего, по моему мнению, подходит название *«эристическая диалектика»*.

Так понимаемая диалектика является только систематическим, правильным сочетанием и выяснением различных искусственных приемов, к которым прибегает в спорах большинство людей, когда замечает, что правота не на их стороне, но в то же время желает во что бы то ни стало ее добиться.

Поэтому было бы отсутствием всякой последовательности иметь в виду в научной диалектике объективную правду и ее выяснение, между тем как в основной, натуральной диалектике этого нет: вся цель основывается единственно на том, чтобы одержать победу в споре. Научная диалектика в том смысле,